

Американо-британские противоречия в свете ближневосточных реалий

Комментарий Центра АРВАК, 27.03.2026

Аннотация

В статье анализируется углубляющийся кризис в отношениях между США и Великобританией, спровоцированный радикальной сменой геополитических приоритетов Вашингтона. Рассматриваются фундаментальные расхождения в определении «главного врага» Запада: приверженность Лондона антироссийскому курсу и переориентация США на сдерживание Китая. Особое внимание уделяется иранскому конфликту как фактору, обнуляющему британские стратегии на украинском и тюркском направлениях. Автор делает вывод об эрозии монолитности «англосаксонского мира» и обострении борьбы за контроль над региональными активами, в частности, над внешнеполитическим курсом Турции.

Ключевые слова: геополитика, США, Великобритания, Иран, Турция, Китай, Россия, «Великий Туран», Хакан Фидан, Реджеп Тайип Эрдоган, Дональд Трамп, Срединный путь.

1. Системный кризис англосаксонского единства

Последние события вокруг Ирана способствовали выходу на поверхность конфликта интересов США и Великобритании, который на самом деле распространяется далеко за пределы ближневосточного региона.

О геостратегических противоречиях Вашингтона и Лондона в последние годы в публичном пространстве было принято говорить мало. Это объяснялось тем, что сами стороны стремились избежать широкого освещения проблемных аспектов во взаимоотношениях, дабы не ставить под угрозу всю платформу американо-британских союзнических традиций, которые со второй половины XX века сыграли определяющую роль в формировании современного миропорядка, находящегося, как неформально принято считать, под управлением «англосаксов».

Факты свидетельствуют о том, что противоречия между союзниками по многим вопросам геостратегической повестки дня нарастают и углубляются вне зависимости от смены персоналий и фракций у руля власти в США и Великобритании на протяжении последних двух десятилетий. Речь идет о пересечении глубинных и критически важных системных интересов двух стран, корректировка которых представляется непреодолимой как для республиканцев и демократов в США, так и для консерваторов и лейбористов в Великобритании, даже при наличии значительного стремления к этому.

2. Кейс Бангладеш: пример прямого столкновения интересов

В качестве одного из наиболее показательных примеров расхождения интересов Вашингтона и Лондона эксперты приводят события августа 2024 г. в Бангладеш, когда вследствие массовых молодежных протестов премьер-министр страны Шейх Хасина была вынуждена бежать в соседнюю Индию, откуда она запросила политическое убежище в Великобритании. Формальной причиной антиправительственных выступлений послужила отмена правительством системы квот на государственную службу, однако аналитики полагают, что это стало лишь предлогом для осуществления «цветной революции», за которой стоял Вашингтон. Истинной причиной переворота в Бангладеш считается отказ правительства в Дакке передать американской стороне

суверенитет над островом Св. Мартина в Бенгальском заливе для создания крупной военно-морской базы США. Данный факт был подтвержден самой Шейх Хасиной, которая заявляла, что милитаризация суверенных территорий и морских границ не входила в планы Бангладеш, поскольку это многократно увеличивало угрозы для страны в контексте американо-китайской эскалации в Индийском океане.

Принято считать, что правящая партия «Авами Лига» и кабинет министров Шейх Хасины, находившиеся у власти в Бангладеш в периоды с 1996 по 2001 год и с 2009 по 2024 год, негласно курировались Великобританией, которая является одним из ключевых инвесторов в банковском, энергетическом и текстильном секторах страны. Очевидно, что у США имелись основания полагать, что отказ Дакки от передачи стратегически важного острова был обусловлен, среди прочего, соответствующими рекомендациями из Лондона. Тем не менее Вашингтон предпочел прямое вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь Бангладеш политико-дипломатическому диалогу с Лондоном. Конфликт интересов по поводу ситуации в Бангладеш остался за пределами публичной политики, однако события в Дакке продемонстрировали, что США более не намерены принимать во внимание британские интересы там, где они вступают в противоречие с важным вектором их глобальной стратегии.

3. Расхождение в идентификации глобальных угроз

Пример с Бангладеш является лишь одним из проявлений наблюдаемого кризиса во взаимоотношениях, который обусловлен трансформацией архитектуры миропорядка и наличием различных точек зрения традиционных союзников на данный процесс. Согласно мнению экспертов, истоки углубляющихся расхождений между Вашингтоном и Лондоном заключаются в дивергенции выбора образа «главного противника» коллективного Запада и нетождественной оценке угроз, исходящих от Пекина и Москвы.

Великобритания продолжает придерживаться консервативной линии «военно-политического сдерживания» Российской Федерации, рассматривая ее в качестве основного противника «Глобального Севера» и угрозы номер один. Усиление Китайской Народной Республики в настоящий момент не оценивается Лондоном как критическая угроза, что, по мнению экспертов, обусловлено главным образом двумя факторами: значительной удаленностью КНР от зоны стратегической безопасности Европы и наличием глубоких экономических связей Великобритании с Китаем, разрыв которых может существенно подорвать финансовую устойчивость Лондона и его геоэкономические интересы в мире.

Соединенные Штаты, в свою очередь, придерживаются нового курса на «демонизацию» Китайской Народной Республики, чей стремительный рост экономики и военной мощи представляет угрозу глобальному лидерству США и их стратегическим интересам в Индо-Тихоокеанском регионе. В логике американской доктрины сдерживания Китая Российская Федерация рассматривается не как противник, а как потенциальный партнер, лояльность и ресурсная база которого могут сыграть решающую роль в пользу «Глобального Севера» в его конкуренции с КНР за мировую гегемонию. Эти два принципиально противоречащих друг другу подхода к фундаментальному вопросу о будущем миропорядке определяют исходную позицию американо-британских разногласий и объясняют наличие конфликта интересов

между Вашингтоном и Лондоном по ряду геостратегических направлений в мире, местами достигающего критических расхождений.

4. Иранская кампания как деструктор британских планов по Украине

Одним из наиболее актуальных на данный момент эпизодов являются события, связанные с иранским конфликтом и последними реалиями на Ближнем Востоке. США, не учитывая позицию и стратегические планы Соединенного Королевства в регионе, осуществили военное вмешательство в зону интересов КНР. По оценкам Вашингтона, этот шаг способствует существенному ограничению импорта сырьевых ресурсов и обеспечения безопасности логистических проектов Пекина в Передней Азии. В результате этих действий стратегическим программам Лондона был нанесен «побочный ущерб», поскольку иранский конфликт сместил фокус внимания и мобилизацию ресурсов коллективного Запада с украинской повестки на Ближний Восток.

По мнению экспертов, российско-украинское столкновение было проектом именно Великобритании и предполагало дальнейшее распространение эскалации вдоль российских границ на Южном Кавказе (т. н. «второй фронт») и далее в Центральную Азию. Это должно было спровоцировать сопоставимую по масштабам с украинской войну, однако более опасную с учетом перспективы стимуляции национал-сепаратизма и исламского экстремизма уже на территории самой России.

Эскалация ситуации вокруг Ирана, а также инициатива Дональда Трампа, направленная на содействие российско-украинскому перемирию, привели к срыву планов Великобритании. Москва получила возможность для переговорного маневра, а также наблюдается фактический распад «Коалиции желающих» по Украине (“Coalition of the Willing/Active”), что повлекло за собой ее выход из международной изоляции. Стимулированный иранским конфликтом общемировой дефицит углеводородов, наряду с финансовыми выгодами для Кремля, неизбежно поставит перед европейскими союзниками Украины вопрос о необходимости пересмотра политики принципиального отказа от российских нефти и газа. Одновременно спровоцированная Вашингтоном эскалация на Ближнем Востоке нанесла удар по геэкономическим интересам Великобритании в Юго-Восточной Азии, что способствует обострению энергетического кризиса в Китае и Индии. Эти две страны совокупно обеспечивают более 10% внешнеторгового оборота Лондона и являются ключевыми направлениями для его азиатских инвестиций.

5. Саботаж антииранской коалиции и вопрос военных баз

Очевидно, именно эти причины обусловили крайне сдержанную реакцию Великобритании на предложение Д. Трампа присоединиться к антииранской кампании. По данным инсайдерских источников, в течение всего февраля 2026 г. Белый дом и Госдепартамент США последовательно предпринимали попытки склонить лейбористский кабинет во главе с премьер-министром Киrom Стармером к отправке британского флота и ВВС Соединенного Королевства в зону предполагаемой широкомасштабной операции. В качестве задачи-минимум рассматривался вариант с неучастием британских сил в боевых действиях при условии предоставления ими своих баз для размещения ударных

группировок американской армии. Речь, в частности, шла о двух британских базах на Кипре – «Акротири» и «Декелия» – и базе ВМФ «Диего-Гарсия» в Индийском океане.

Лондон, тем не менее, не согласился и на такое предложение, предпочтя полностью дистанцироваться от американо-израильских военных планов. К. Стармер, по заверениям Д. Трампа, постоянно «вилял» и не нашел в себе решительности присоединиться к антииранской коалиции, по причине чего американский лидер успел уже отметить в публичном пространстве рядом нелицеприятных и оскорбительных выпадов в адрес главы британского кабинета.

По мнению ряда аналитиков, основной причиной отказа британской стороны следует считать опасения Даунинг-стрит относительно неизбежных протестных акций со стороны граждан, исповедующих ислам. Учитывая их значительное количество, Соединенное Королевство не смогло бы избежать внутривнутриполитических потрясений и дестабилизации. Данный аргумент не лишен объективных оснований, тем не менее фактор критического давления исламских сегментов общества на британское правительство представляется преувеличенным. Это подтверждается и тем обстоятельством, что Лондон сохранил нейтральную позицию даже после того, как его базы в Акротири и Диего-Гарсия подверглись атаке с использованием дронов и ракет, предположительно «со стороны Ирана». Формально Даунинг-стрит получил в глазах своих исламских граждан «легитимный повод» для присоединения к антииранской коалиции, однако вновь не предпринял этого шага, что свидетельствует о наличии более глубоких мотивов отказа от участия в ближневосточном конфликте, о которых было упомянуто ранее.

6. Турецкий фактор: борьба за «таран» против России

В контексте кардинального расхождения позиций США и Великобритании по вопросам определения «главного противника» Западного мира и обусловленной этим ближневосточной стратегии, особый интерес представляет позиция и поведение Турецкой Республики в отношении событий в Иране. Анкара продемонстрировала практический нейтралитет в отношении иранского конфликта, а в публичной риторике выражает открытое неприятие действий США, которые, согласно ее заявлениям, инспирированы радикальными кругами из Тель-Авива. Как и в случае с Лондоном, позиция Анкары осталась неизменной даже после серии предполагаемых «ракетных пусков» по турецкой территории, якобы осуществленных Корпусом стражей исламской революции (КСИР). Турецкие власти отреагировали аналогично британской стороне, предупредив Тегеран о неприемлемости подобных действий, но при этом открыто дали понять главному союзнику по НАТО – Соединенным Штатам, что не допустят попыток вовлечения страны в конфликт против соседнего Ирана.

По мнению ряда турецких обозревателей, очевидно, что ИРИ не имела отношения к этим провокационным атакам, которые на самом деле, как и удар дронов по Нахиджевану, были организованы американо-израильским тандемом с целью столкнуть между собой Анкару и Тегеран. Не исключено, что предположения Турции на этот счет были подкреплены британскими разведданными, с помощью которых Лондон всячески старается отгородить Анкару от опрометчивых решений по иранскому вопросу. Это лишь подтверждает получившую достаточно широкое распространение

теорию о решающем влиянии Великобритании на правящие ныне элиты в Турции и, в частности, на Р. Т. Эрдогана и его ближайшее окружение.

Согласно данной теории, проект «*Великого Турана*» был разработан в недрах британской разведки *MI-6*, при этом Лондон позиционируется как ключевой глобальный центр силы, осуществляющий финансирование долгосрочной программы формирования содружества тюркских государств и обеспечивающий ее стратегическое прикрытие на международной арене. Логика теории предполагает, что Великобритания рассматривает Турцию в качестве инструмента для прорыва российских позиций на Южном Кавказе и в Центральной Азии с последующей перспективой экспорта дестабилизации непосредственно на территорию РФ. В данном контексте Лондон стремился оградить Турцию от избыточного и критически рискованного вовлечения, под влиянием идеологической концепции неоосманизма, в потенциально конфликтные регионы Ближнего Востока и Средиземноморья (палестино-израильское урегулирование, греко-кипрский вопрос, ливийское досье, курдская проблематика) и даже способствовал сохранению ее формального нейтралитета в отношении российско-украинского конфликта. При этом поддержка Киева «европейскими союзниками» рассматривалась Великобританией как достаточная мера для ослабления российских позиций в Черноморском бассейне.

Военная мощь Турции и ее стратегический потенциал в планах Соединенного Королевства предназначались для концентрированного применения на южных рубежах России после достаточного ослабления Москвы, первым этапом чего уже стал захват Нагорного Карабаха в 2020–2023 гг. при непосредственном участии Анкары.

7. Крах британских комбинаций и турецкая дилемма

Британская стратегия демонстрировала достаточно успешные результаты до тех пор, пока в реализацию этих планов не вмешались Соединенные Штаты Америки совместно с Израилем, инициировав идею распространения «Авраамических соглашений» на пространство Тюркского содружества. Это привело к повышению градуса антитурецкой риторики Тель-Авива и предоставило Российской Федерации возможность, при американском посредничестве, избежать дальнейшего продолжения изнурительного военного конфликта в Украине. Финальным фактором, способствовавшим краху планов Лондона, стала иранская война, расширение географии которой, по мнению ряда экспертов, неизбежно повлечет перенаправление избыточного потенциала Турции в регион Ближнего Востока, раздираемый противоречиями и конфликтами.

По оценкам аналитиков, Израиль и США, окончательно избравшие доктрину сдерживания КНР вопреки позиции Соединенного Королевства, не откажутся от попыток навязать Анкаре повестку конфронтации с Тегераном и вовлечения ее в расширяющуюся географию ближневосточного конфликта. Данное обстоятельство ознаменует собой поражение Соединенного Королевства в конкуренции «доктрин сдерживания» с политическими кругами США и повлечет за собой утрату Лондоном его ключевого актива в Передней Азии – контроля над Турецкой Республикой.

Очевидно, что при внешнем сохранении прагматизма и осмотрительности турецкие военно-политические круги в настоящий момент переживают кризис единства в свете британо-американских разногласий по турецкой проблематике. Если принять во

внимание, что лично президент Р. Т. Эрдоган проводит британскую линию в силу своих давних и тесных связей с лондонскими элитами, включая представителей спецслужб Соединенного Королевства, то, по оценкам многих экспертов, второе лицо в турецкой властной вертикали – Хакан Фидан – придерживается американского вектора.

В качестве подтверждения этой версии приводятся сведения об установлении Х. Фиданом связей с представителями разведывательных служб США еще во время его обучения в Мэрилендском университете, а также вызывает вопросы стремительное развитие политической карьеры этого кадрового разведчика в Турции. Не исключено, что именно непубличные разногласия между турецким президентом и его министром иностранных дел послужили причиной внезапного появления в последнее время в местных средствах массовой информации обсуждений относительно намерения главы государства передать власть не Х. Фидану, который ранее считался основным претендентом на следующий президентский срок, а своему сыну Билалу Эрдогану. Вероятно, таким образом турецкий лидер стремился продемонстрировать Соединенным Штатам, что «*британский вектор*» не подлежит пересмотру турецкими элитами, и Анкара не считает целесообразным свое прямое вовлечение в инициированные Вашингтоном радикальные военно-политические комбинации на Ближнем Востоке.

Резюме

Приведенные примеры составляют лишь часть накопленного массива противоречий между США и Великобританией. В условиях трансформации глобального баланса сил и перестройки мировой системы безопасности, учитывающей новые реалии, восприятие американо-британских отношений как незыблемого и не подверженного турбулентностям глобального сотрудничества «*англосаксов*» представляется анахронизмом.